

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/307-310

© Ю.Д. Анчабадзе

**РЕЦЕНЗИЯ НА: Д.В. ГРОМОВ. НЕМЦОВ МОСТ. СТИХИЙНАЯ
МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ. М.: ИЭА РАН, 2017. – 230 С., ИЛЛ.**

27 февраля 2015 г. на Большом Москворецком мосту в г. Москве был убит известный политик, признанный на тот момент лидер оппозиционных сил Борис Немцов. Убийство получило беспрецедентный общественный резонанс. В течение многих дней оно находилось в центре внимания российских и мировых СМИ, свое отношение к происшедшему, а также к личности погибшего высказали ведущие медийные персоны, примечательной была также массовая реакция на взволновавшее всех трагическое событие: 1 марта состоялось массовое мемориальное шествие памяти Б.Е. Немцова, его похороны 3 марта также прошли при большом стечении народа.

В то же время трагический инцидент имел следствием еще одно явление. В первые же часы после события к месту убийства стали приносить цветы, поминальные свечи, плакаты и другую мемориальную атрибутику. Акция продолжилась и в последующие дни, превратив Большой Москворецкий мост, который в скором времени в обиходном словоупотреблении получил наименование Немцов мост, в мемориальный локус по сохранению памяти о погибшем политике. Возникновение стихийных мемориалов на месте знаковых событий достаточно распространенное явление, однако Немцов мост отличается рядом уникальных и своеобразных черт, которые выделяют его от аналогичных мемориальных пространств. Эти особенности описал и проанализировал Д.В. Громов в своем новом исследовании, посвященном данному феномену.

Характерной чертой мемориала Немцов мост является, прежде всего, длительность его существования. Рассматривая историю подобного рода объектов – по авторскому определению, *спонтанных мемориалов* – можно отметить, что подавляющее их большинство, пережив в первый период после события стадию активной репрезентации, охватывающую дни, недели, а иногда месяцы, впоследствии прекращает свое существование, вследствие затухания на объекте специфических коммеморативных практик. В то же время известны мемориалы, обладающие, опять-таки по авторскому определению, - *длительным коммеморативным действием*. Таковы возникшие гораздо раньше Немцова моста и функционирующие

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: anchabadze@list.ru

Yuri D. Anchabadze – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Prospect, 32A). E-mail: anchabadze@list.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

по сей день мемориал у парижского моста Альма, где 31 августа 1997 г. в автокатастрофе погибла принцесса Диана, или мемориал у бесланской школы, где в сентябре 2004 г. разыгралась страшная трагедия с захватом террористами детей-заложников. Однако очевидно, что политические и социокультурные детерминанты названных мемориальных локусов сильно разнятся, и это выделяет Немцов мост в ряду аналогичных ему объектов.

Прежде чем приступить к анализу названных детерминантов, Д.В. Громов обращается к истории мемориала, начиная от появления на асфальте первых цветов, которые были положены, по сведению автора, еще до того, как были убраны ограждения вокруг лежащего тела. В последующие дни гора цветов росла, одновременно появлялась другая поминальная атрибутика, и в дальнейшем мемориал уже не прекращал своего существования, переживая многие эмоциональные и драматические периоды своего бытия. История мемориала реконструирована подробно и детализировано, Д.В. Громову удалось описать ее едва ли не подневно. Это также дало возможность автору выделить в истории определенные этапы, охватывающие порой лишь несколько недель, а то и дней, которые знаменуют, по вполне обоснованному мнению Д.В. Громова, важные ступени институализации мемориала.

Важнейшей чертой при этом является то обстоятельство, что длительность существования мемориала привела к достаточно сложной его самоорганизации. Довольно быстро образовалась большая группа активистов, которая поддерживает жизнедеятельность мемориала, формируя пространство его бытовой повседневности. Д.В. Громов анализирует состав и обязанности участников дежурств на мемориале, обрядность, совместные действия вне дежурства; крайне интересный раздел монографии посвящен экономике мемориала. Важнейшей задачей активистов Немцова моста стало противодействие многочисленным попыткам властей и политических противников уничтожить мемориал. Это привело к возникновению института дежурных, которые следят за порядком и охраной, что, безусловно, продлило существование мемориального локуса.

Д.В. Громов рассматривает историю мемориала в трех дискурсах его существования. Анализируя политический дискурс, автор приводит данные, основанные на интервьюировании активистов Моста. Любопытным является то, что «большинство опрошенных настаивало на **неполитическом** характере мемориала» (с. 51; выделение автора). В качестве целевой мотивации они указывают на требование установки на месте гибели Бориса Немцова мемориальной доски или таблички, настаивают также на проведении независимого расследования убийства. Одновременно активисты указывают на морально-этическое содержание их акции, связанное с необходимостью сохранения памяти о жестоко убиенном человеке, который являл собой символ бескомпромиссной честности и многих других ярких личных достоинств.

Однако вряд ли можно полностью отвлечься от политической составляющей мемориала. Д.В. Громов полностью прав, когда рассматривает Немцов мост в качестве примера политического акционизма, заключая, что «коммеморация оказалась реакцией на нерешенность политических проблем, породивших трагедию» (с. 173). Трудно сказать, что в таком случае следует понимать под *решенностью* проблем, но возникновение и функционирование мемориала являются слепком современного политического, общественного и культурного состояния России.

Д.В. Громов подчеркивает, что феномен Немцова моста стал возможен в условиях демократизации обществ. Нет сомнений. Вряд ли мемориал мог зародиться и уж во всяком случае просуществовать хоть малое время в условиях даже брежневского СССР – бульдозеры и иная эффективная техника прекратили бы его существование в считанные минуты. Изменившиеся политические условия в постсоветской России сделали возможным проведение стихийных коммеморативных акций, посвященные тем или иным резонансным событиям – как показала практика, нынешние власти к подобного рода акциям относятся, по крайней мере, нейтрально. Однако их реакция на появление на Большом Москворецком мосту в первые же дни после убийства Б. Немцова стихийного поминального мемориала оказалась крайне негативистской. Чутко реагирующие на веяния «из-за стены», а возможно получая оттуда прямые указания, сотрудники «Гормоста», а также участники провластного движения SERB предпринимали неоднократные попытки уничтожить мемориал, но именно эти действия парадоксальным образом способствуют продлению его существования. Рассматривая конфликт как стимул самоорганизации, Д.В. Громов отмечает, что многократные организованные нападения на мемориал стали причиной возникновения практики постоянного, круглосуточного дежурства на Немцовом мосту, что стало отличительной чертой этого коммеморативной акции.

На мой взгляд важно и другое. Именно восстановление мемориала после его первого же его уничтожения (25 марта это сделали участники движения SERB, а через два дня сотрудники «Гормоста») положило начало политическому дискурсу Немцова моста. Восстановление мемориала и его дальнейшее существование представляется актом противостояния с властью, по существу является самым ярким символическим высказыванием в рамках протестного акционизма, форма которого (высказывания) позволяет не прибегать к иным видам вербального или визуального протеста. Формальные требования к властям («Большинство моих информантов – свидетельствует Д.В. Громов, говорили, что согласны прекратить дежурства после установления памятного знака») представляются неким лукавством, которое позволяет активистам Моста внешне дистанцироваться от политического дискурса мемориала. Активисты Моста также не допускают в поминальной атрибутике и проводимой обрядности всего, что можно интерпретировать как политический акционизм, и это позволяет им находиться в «дискурсе закона» (Д.В. Громов), не предоставляя властям повода ликвидировать мемориал на правовых основаниях.

Однако как бы активисты Моста ни дистанцировались от политического дискурса мемориала, он является очевидным для его противников. Не случайно претензии, которые предъявляются мемориалу со стороны «Гормоста», SERB'a, «афганцев» и других его противников носят политический характер. При этом очевидно, что за их обвинениями в «поддержке терроризма» «подготовке оранжевой революции», «стремлении устроить Майдан», принадлежности к «пятой колонне» и др. мемах, скрываются иные, гораздо более глубокие пласты консервативной и охранительной идеологии, которая неприемлема для большинства активистов Немцова моста, которые, естественно, репрезентируют совершенно иной политический дискурс.

Последний Д.В. Громов соотносит с «символическим продолжением политической деятельности Бориса Немцова». Безусловно. Автор показал, как в рамках символической интеракции (гл. IV) плакаты с изречениями политика, оставаясь формально поминальной атрибутикой, несут важный общественно-политический

посыл. Но специфика постоянно функционирующего городского мемориала имеет и другие политические интеракции, которые, на мой взгляд, в немалой степени способствуют поддержанию его жизнедеятельности.

Для активистов Моста сопричастность к его функционированию является формой личной политической репрезентации, публичной демонстрацией своих общественно-политических взглядов и убеждений. Для представителей соответствующей части политического спектра в современной России существует весьма ограниченный набор возможностей для публичных высказываний. Непредставленность демократических сил в законодательных структурах власти, игнорирование и демонизация демократов в ведущих медиа страны, маргинальность либеральной идеологии в общественном сознании социума, да и не преодоленная разобщенность в стане российских демократов – все это лишает «сторонников Немцова» трибуны и каналов манифестации своих позиций.

Мемориал дал такую возможность, прежде всего, тем приверженцам демократических идей, которые сами по себе, возможно, не являются волонтерами открытого уличного активизма, но готовы демонстрировать свою политические предпочтения, участвуя в повседневной жизни мемориала. По существу, здесь собираются люди, небезразличные к актуальной политической повестке дня и солидарные друг с другом в ее понимании, хотя, как свидетельствует автор, активисты Немцова моста могут высказывать не во всем совпадающие взгляды. В любом случае история Немцова моста войдет в летопись демократического движения в России.

Одновременно мне видится и другая функциональность мемориала. Из собранных Д.В. Громовым интервью очевидно, что для многих активистов Немцова моста волонтерство на мемориале отвечает неким глубоко личным, индивидуальным переживаниям, весьма характерным для современного атомизированного урбанистического быта. По одному из характерных высказываний, на Мост приходят, в том числе, чтобы «спастись от одиночества». Волонтерство на мемориале дает такую возможность, тем более, что его активисты образовали весьма привлекательное сообщество, в котором неформальные, дружеские отношения основаны на сходном образовательном, культурном и мировоззренческом статусе членов корпорации. «Мы полночи фланировали вдоль мемориала, читая друг другу стихи», – свидетельствует один из активистов Моста. «Начали, как принято, вести душевную беседу: о семье, о Мосте, о литературе и об истории», – рассказывает женщина - волонтер мемориала; по ее же свидетельству: «за разговорами с интересными людьми ночь и прошла». Подводя итог прошедшего дежурства, она свидетельствует, что оно выдалось «спокойное и немного философское, в чем-то неожиданное и очень предсказуемое. С конфликтной ситуацией и с философскими разговорами». Один из волонтеров свои чувства выразил в поэтической форме:

«А что твой уют? Заполнять пустоту.

Решаем все тут, на Немцовом мосту».

Общность политических взглядов в данном случае является дополнительным фактором интеграции и единения сообщества

Заключая свои впечатления от прочитанной книги, подчеркну новаторский характер исследования Д.В Громова. Автор увидел совершенно новое явления в современной российской социальной действительности и представил его глубокий и фундированный антропологический анализ.